

Игорь ЯКОВЕНКО

РУССКАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА: ГРАНИЦЫ И ПОЗИЦИИ

В любой культуре существует иерархия дискурсов (проблемных пространств, тем). Одни очевидны, актуальны и активно обсуждаемы. Другие находятся на периферии культурного сознания. Их существование признается, но как малозначимое, второстепенное, заслуживающие разве что внимания узких специалистов. Наконец, и это очень важно, существуют зоны реальности и, соответственно темы, табуированные к называнию, осмыслению и обсуждению.

В некоторых случаях эта табуация осознанна. И это — сравнительно простые случаи. Люди знают, что об этом не принято/нельзя/опасно говорить вслух. В результате могут произойти большие неприятности. Иными словами, массовый человек знает о некоторой зоне реальности, которая закрыта к произношению. А потому о ней лучше не думать. Однако существует более глубокий уровень табуации к осознанию, которая располагается за рамками осознанного. Речь идет о неких «слепых пятнах» в культуре, о существовании которых носитель этой культуры не задумывается. И не может задуматься, ибо сам ход мысли в этом направлении табуирован.

Здесь все гораздо сложнее. Отдельные факты или положения могут признаваться, включаться в нормативизированную картину мира (чаще всего на периферийных позициях), получать некоторое частное объяснение, не покушающееся на нормативный образ бытия. Однако путь к генерализующим суждениям и общим выводам заблокирован.

Тема настоящего разговора относится к обозначенному нами пространству. Давайте наконец сформулируем принципиально важное положение: *традиционная (она же народная или крестьянская) русская культура антиинтеллектуальна, противостоит базовым основаниям европейской цивилизации, демонизирует их*. Носитель традиционного сознания исходит из того, что любое мудрствование лукаво. А всяческая рациональная культура большого общества — от Дьявола. Не больше, но и не меньше. Речь идет о некой саморефлексии целостного архаического сознания, которое всеми силами сохраняет синкретизм этого сознания и магическое переживание бытия как ба-

Игорь Григорьевич Яковенко родился в Винницкой области Украинской ССР. Окончил Московский лесотехнический институт (1969) и аспирантуру Института философии АН СССР (1982). Российский культуролог и философ. Доктор философских наук, член бюро научного совета РАН «История мировой культуры». Профессор РГГУ. Автор 260 публикаций, в том числе одиннадцати монографий, среди которых книга «Российское государство. Национальные интересы, границы, перспективы» (2008). «Познание России: цивилизационный анализ» (2012) и «Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение» (2014). Соавтор книги «История России: конец или новое начало?» (2005). Лауреат премии журнала «Нева». Живет в Москве.

зовые ценности и четко рефлексивует пространство, из которых исходит смертельная опасность.

Начнем с самого простого, лежащего на поверхности. Люди старшего поколения слышали активно неодобрительную характеристику «Больно грамотные». Чаще всего она звучала и звучит из уст немолодых женщин из простонародья и, скорее всего, воспринималась юмористически. Однако в этой формулировке содержится очень важное положение. В культуру большого общества можно включаться, *но в меру*. Соответственно, грамотность как базовый коммуникативный канал надлежит осваивать самым предварительным образом.

В мемуарах одного из идеологов перестройки Александра Николаевича Яковлева содержится любопытное свидетельство. Яковлев родился в деревне, в крестьянской семье. Причем с детства Александр Яковлев обнаружил напряженный интерес к книгам. Годом к пятнадцати он столкнулся с серьезным беспокойством своей матери. Дело в следующем: в народе существовало поверье — если постоянно много читать, обязательно или ослепнешь, или с ума сойдешь. Механизмы самоорганизации традиционной культуры спасает своих носителей от погружения в смертельную альтернативу.

Надо сказать, что поверье это имеет глубокую историю. В православной среде веками живет убеждение: «Кто всю Библию прочтет, тот с ума сойдет». (Неча читать! Умствовать начнут, без благословения и водительства батюшки до такого додумаются.) Заметим, что перевод Библии на живой русский язык происходит усилиями Библейского общества в XIX веке и встречал острое неприятие значительной части церковной и светской иерархии. Первое издание полной Библии вышло только в 1876 году. Сопоставим: первое полное издание Библии на немецком в переводе Лютера вышло в 1534 году. Сотни тысяч экземпляров, масса переизданий, вышедших в течение XVI века, не поддаются исчислению.

Почему же отношение народных масс к письменной культуре в России было, как минимум, настороженное? Каковы истоки этого поверья? Они лежат очень глубоко и связаны с природой отечественного православия. Протоиерей Георгий Митрофанов указывает на то, что *неграмотные священники* исчезают из отечественной реальности только к концу XVIII века. Дело было так: «православный поп брал своего сына с собою в храм с детских лет. И тот, наблюдая, слушая то, что читал его родитель, это запоминал, совершенно не понимая смысла произносимых слов. А когда он женился, его рукополагали, ибо он наизусть знал все то, что должен говорить священник».

Церковь и церковная жизнь исчерпывались ритуалами. Ни о какой проповеди в этой ситуации говорить не приходится. «В чем истина православия? Ты не знаешь, где ты находишься, на небе или на земле¹. Полупонятные тексты, о которых нельзя сказать, понимаешь ты их или нет в полной мере. Это и оказалось самой главной, манящей тайной христианства. Почти ничего не понятно, но как впечатляет!»²

Ситуация начинает меняться только с эпохи Петра I. Меняться для священников. Начальное приходское образование складывается в 80-х годах XIX века. «Большинство из них были одноклассные, чуть больше двухклассных и весьма редко — четырехклассные». Власть до последних пределов уберегала простонародье от включения в культуру большого общества.

Иными словами, простонародье изолировалось от культуры большого общества с двух сторон. С одной стороны — властью и привилегированными сословиями; с дру-

¹ Так описали свои переживания послы князя Владимира во время богослужения в храме Святой Софии Константинопольской.

² Протоиерей Георгий Митрофанов. «Мы только носим имя, что живы, а на самом деле уже мертвы...». М.: Артос, 2018. С. 37.

гой стороны — механизмами самоорганизации традиционно-архаической социокультурной целостности.

Здесь требуется отступление общеисторического характера. Базовые характеристики отечественной культуры задавались фундаментальным событием — крещением Руси по византийскому обряду. Этой теме посвящена большая статья автора³. Специфика географического положения Руси/России, исторические судьбы православия и глубоко средневековая природа православного сознания задали процессы формирования самосознания, отношение к мировой культуре, восприятие иноземных новаций. Эти и другие моменты в конечном счете задавали исторические судьбы нашей страны.

Мы не отдаем себе отчет в том, что наши предки воспринимали католиков и протестантов в буквальном смысле как бесов. Вот свидетельство серьезного ученого Бориса Андреевича Успенского: «Веками европейское платье воспринималось в допетровское время как „потешное“ маскарадное, и бесы на иконах могли изображаться в немецкой или польской одежде»⁴. «Брадобритие и немецкое платье приобретали особый смысл в глазах современников, в виду того, что в соответствующем виде на иконах изображали б е с о в»⁵.

Антизападничество, насчитывающее тысячелетнюю историю, пронизывало нашу страну на всех уровнях. Православие трактует католический мир как дьявольский. Ситуация начинает меняться с эпохи Петра I. Причем перемены эти затрагивают высшие сословия и появившееся в стране образованное общество. Впрочем, и в этой среде хватало антизападников. Что же касалась крестьянина, старообрядца, традиционного купца, то эти категории россиян рассматривали природных «немцев» как нечисть. И здесь слово «нечисть» не метафора, а буквальное именование агентов нечистой силы.

Радикально ситуация меняется в советскую эпоху. Новая власть отчетливо осознает не только грамотность, но и включение в каналы образования самых широких масс как важнейший ресурс борьбы за мировое господство. В технологическую эпоху это самоочевидно. Понятно, речь идет о советском образовании, в котором знания вкладывались в оболочку казенной идеологической риторики. Тем не менее это была некоторая альтернатива сказочной картине мира.

Однако народная культура давно уже сложилась. Остро настороженное отношение к европейской цивилизации, интеллектуализму, пренебрежительное отношение к людям умственного труда, которые сидят себе за чистым столом и неизвестно за что гребют такие деньжищи, — все это прошло через весь XX век и существует рядом с нами.

Заметим одно обстоятельство: переходы от относительной открытости к самоизоляции и кампании изоляционизма в нашей стране всегда происходят легко и встречаются одобрение значительной части общества. За этим стоит не только магия сакральной власти и пропаганды, но и многовековое отторжение Запада.

Выше прозвучало утверждение: «православие задавало исторические судьбы нашей страны». Есть люди, для которых это положение неочевидно. Два века досоветской вестернизации и, в особенности, советская эпоха отодвинули церковь на задворки массового сознания. В реальности это не так. Православие задавало не только воинственное антизападничество, но сложный и внутренне противоречивый комплекс глобального противостояния, необходимым элементом которого была модернизация. Причем в соответствии с российским пониманием целей внутренней политики модернизация категорически не должна была коснуться «широких народных масс».

³ И. Яковенко. Православие и исторические судьбы России // И. Яковенко. Познание России: цивилизационный анализ. М., 2017. С. 77.

⁴ Б. Успенский. Царь и самозванец // Б. Успенский Этюды о русской истории. М.: Азбука, 2002. С. 169.

⁵ Там же. С. 74.

Народ (прежде всего крестьянство) следовало содержать в спасительной темноте, отечески направляя на путь истинный. В противном случае подданные наберутся губительных идей и разрушат хрупкое здание самодержавной государственности. В стратегическом плане такая политика обречена на поражение. Модернизация требует и рождает людей, вписанных в рациональное сознание, культуру большого общества, современные каналы коммуникации. Однако на начальных этапах, пока не сработала объективная необходимость вывода из архаического комплекса широких масс, можно сохранять дистанцию между вестернизированным городом и патриархальной глубинкой. Но индустриализация невозможна на базе патриархального крестьянства. Большевики это отчетливо сознавали и двинули грамотность и все, что за ней следует, в массы.

А дальше включился таймер. Как только большая часть населения страны переехала в города, и горожанин второго поколения стал статистически заметным явлением, советская власть пала. Иными словами, и особенности российской модернизации, и победа большевистской эсхатологии, и крах СССР были заданы православием.

Зададимся вопросом: почему Московия пошла по пути формирования империи? Она находилась на периферии Ойкумены. Страну окружали территории, население которых не имело собственных государств либо жило в рыхлых ранних государствах. Экспансия на эти территории представляется естественной. Можно идти и идти до Баренцова моря и до Татарского пролива. А почему, более или менее успешно, пытались создать свои империи Болгария и Сербия?

В 913 году Симеон I болгарский был коронован императором (царем) Константинопольским Патриархом. Византийское признание императорского титула Симеона было отменено последующим византийским правительством. Десятилетие 914—924 годов прошло в разрушительной войне между Византией и Болгарией по этому и другим конфликтным вопросам. Болгарский монарх, который еще больше раздражал своего византийского коллегу, претендуя на титул «императора римлян», был в конечном итоге признан «императором Болгар» византийским императором Романом I Лакапином в 924 году.

В начале XIII века, при царе Калояне Ромеебойце, Болгария превратилась в сильнейшее государство Балканского полуострова. Второе Болгарское царство просуществовало недолго. В 1242 году оно разрушено в ходе татаро-монгольского нашествия и стало данником. Но цель создания империи была и успешно реализовывалась.

Та же история произошла с Сербией. В 1345 году сербский король Стефан Урош IV Душан провозгласил себя императором (царем) и был коронован в качестве такового в Скопье на Пасху 1346 года вновь созданным Сербским патриархом, а также Патриархом всей Болгарии и автокефальным архиепископом Охридским. Его императорский титул был признан Болгарией и различными другими соседями и торговыми партнерами, но не Византийской империей.

Все эти экзерсисы не были случайными событиями. Сербия создала полноценную империю после Первой мировой войны. Она стала ядром Королевства сербов, хорватов и словенцев, которое позже было переименовано в Королевство Югославия. После Второй мировой возникает Социалистическая Федеративная Республика Югославия, которая распалась во второй половине 1990-х годов. Так называемую «Великую Румынию» пытались создать во времена существования Королевства Румыния (1881—1947). Этому помешал разгром Румынии в ходе Второй мировой войны.

А что мы знаем об имперских претензиях Финляндии, Норвегии, Швейцарии? Это — протестантские страны, они лишены имперских амбиций. Из протестантов империей страдала Великобритания. Иными словами, православные народы инфицированы имперской идеей. Примером и недостижимым идеалом для правящих элит пра-

вославных стран служила Византия. Восприятие православия задает имперскую идентичность как цель и одновременно — сакральный норматив. Это как Должное, которое пока заслоняется низменным Сущим, но рано или поздно воссияет в перспективе эсхатологического пресуществления этого мира.

Историки культуры фиксируют две модели восприятия времени — собственно историческую и архаическую, циклическую по своей сути. Историческое сознание организует события прошлого в причинно-следственный ряд. Архаическое, или «космологическое сознание предполагает соотнесение события с каким-то первоначальным, исходным состоянием... Событие, которое происходило в первоначальные времена, предстает как текст, который постоянно повторяется, воспроизводится в последующих событиях»⁶.

Архаическое восприятие времени исходит из того, что бытие циклично. Люди рождаются и умирают, за зимой следует лето и так далее. В этом смысле все повторяется. Историческое сознание соответствует представлению о линейном времени. В рамках традиционно-архаического сознания время циклично. Допетровская Русь жила в циклическом времени. Доктрина «Москва — Третий Рим» предписывала Руси стать мировым центром православия, в качестве которого она пребудет до Второго пришествия. Речь шла о повторении цикла, пройденного Константинополем. Константинополь после Флорентийской унии утратил полноту православной веры, а Москва осталась единственной столицей православного государства. Соответственно, Москва — Третий Рим.

Здесь надо сказать, что как Киевская, так и Московская Русь была далеко не тождественна Византии в общекультурном смысле. Восточная Римская империя наследовала великой античной цивилизации. Здесь сохранилась классическая система образования. Обучение начиналось в 6–7 лет. В 16–17 лет ученики переходили в школу ритора. Помимо риторических школ были философские школы. В V веке указом Феодосия II был открыт университет. А в середине IX века под Константинополем — школа математических наук. Обобщая, в стране существовала система среднего и высшего образования, обязательная для людей, делавших как церковную, так и карьеру государственных чиновников. Также существовало образованное общество, наследующее культуру и знания, накопленные за предшествующее тысячелетие. По оценкам историков, число образованных людей в империи составляло 15 %.

Ничего подобного в Московии не было. Российские грамотеи рассматривали античное знание как языческое, опасное для православного человека. Однако церковь не может существовать вне письменной культуры. Существовал узкий митрополичий круг, а также монастыри, в которых поддерживалось обучение грамоте и началам письменной культуры. Но школы как устойчивого социального института не было. Обращаясь к истории нашей страны, мы обнаруживаем стойкое отторжение школы, чтения, письменной культуры. Как отмечается в «Повести временных лет», с целью распространения письменной культуры князем Владимиром была сделана попытка организации христианской школы для юношей из знати. Однако населением это воспринималось как опасное новшество, способное разрушить вековые устои: матери по отданным в школу детям плакали, «аки по мертвецы»⁷.

Речь идет о событиях тысячелетней давности. А что было потом? Говоря о Московии XIII–XV веков, авторы обширного исследования «Десять веков российской ментальности: картина мира и власть» пишут: «Грамотных людей на Руси можно было

⁶ Б. Успенский. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — третий Рим» // Э. Успенский. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 90.

⁷ Г. Прохоров. Прошлое и вечность в культуре Киевской Руси // Человек и история в средневековой философской мысли русского, украинского и белорусского народов. Киев, 1987. С. 33.

найти только среди монахов. Вплоть до конца XV века книжные источники христианского содержания, принесенные к нам в болгарских и сербских переводах, мирно покоились на полках монастырских хранилищ»⁸.

Московское общество было практически поголовно безграмотно. Польский офицер С. Маскевич, находившийся в России 1594—1621 годах, утверждал, что «науками в Московии вовсе не занимаются; они даже запрещены»⁹. В этой ситуации немногие москвиты, стремящиеся к образованию, вынуждены были обучаться конспиративно. Так брат боярина Головина, обучавшийся иностранным языкам, тайно нанял немца и поляка-латиниста. Оба приходили к нему, переодевшись в русское платье, запирались в комнате и нелегально давали уроки¹⁰.

Переводчик Арсений Грек лишь в 1653 году основал при Чудовом монастыре греко-латинскую школу. Характерно — число учеников было малым. Москвичи не доверяли учителю¹¹.

Проблемки грамотности в низовой среде появляются не ранее второй половины XVIII века. Об этом свидетельствует появление так называемой лубочной литературы, в которой картинки соседствовали с поясняющим текстом. Мелкое городское мещанство, а также верхушечные слои деревни (целовальники, мелкие торговцы, дворовые) покупали эти грошовые издания.

Однако логика исторического процесса настоятельно требовала перемен. Тяжелая, разорительная Ливонская война, по существу проигранная Московией, требовала осознания причин поражения. Пришедший к власти в 1598 году Борис Годунов собрал совещание из духовенства и вельмож и предложил призвание в Россию иностранцев. Однако совещание решило, что «иноверные» будут угрожать самим основам российского государства. А потому лучше послать за границу русских, чтобы, вернувшись, они создали школы. Борис Годунов отправлял 18 боярских детей учиться в университетах Запада, рассчитывая на то, что, вернувшись, они создадут школы. История эта закончилась ожидаемо. Ни один из боярских детей не вернулся.

А Лжедмитрий мечтал создать в Москве школу и университет и упрекал бояр в том, что они не учат детей грамоте. Как мы знаем, тело убитого Лжедмитрия выкопали из земли и, смешав с порохом, выстрелили из пушки в сторону Польши, откуда он пришел. Его польская одежда, бешеные скачки верхом по городу, а главное — «богопротивная телятина», которую он употреблял в пищу, противоречили всему, что народ считал подобающим для царского поведения¹². Так что судьба западников, пришедших в нашей стране раньше времени, бывает печальна.

Реформы Петра I изменили политику, но не отношение широких масс. В эпоху царствования Екатерины I в соответствии с Духовным регламентом (1721) в каждый губернский город имел две школы — светскую и духовную. Между ними началась борьба за учеников. В итоге 14 цифирных школ пришлось закрыть¹³.

Надо сказать, что ученость и Запад воспринимались как одно целое. Ведь Запад — это католики и «лютора». И именно оттуда идет всяческая ученость. И поскольку агенты Запада — бесы, относительно православного человека у них одна цель: погубить. Здесь механизмы самосохранения традиционно-архаической культуры, демонизи-

⁸ В. Жидков, К. Соколов. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб., 2001. С. 154.

⁹ С. Маскевич. Дневник Маскевича (1594—1621)// Сказание современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859. С. 56.

¹⁰ А. Майерберг. Путешествие в Московию. М., 1874. С. 174.

¹¹ Urba-livejournal.com/128623.html.

¹² В. Жидков, К. Соколов. Там же. С. 178.

¹³ Россия. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. С. 324

рующие свою альтернативу, сливались с естественным отторжением чуждого, не освященного привычкой и обычаем поведения. «Немец», то есть иностранец, сын Запада, отличался всем: одеждой, прической, манерами. Татары тоже отличались от «наших», но это было различие в ряду стадияльно близких феноменов. Немец же представлял другую цивилизацию и иную эпоху.

Фобия иностранцев и иностранного поражает. Боярин Головин рассказал историю о том, как один купец привез в Москву иностранные календари. Царь, который не понимал в них не слова, испугался и, «чтобы народ не научился такой премудрости, приказал все календари забрать во дворец, купцу заплатить, сколько потребовал, а книги сжечь»¹⁴. Западная премудрость смертельно опасна. Мало того, правители и идеологи не рассчитывали на стойкость «нашего человека» и подозревали, что при первой возможности он наберется душегубительных идей. Отсюда «граница на замке» и категорический запрет общаться с немногими иностранцами в Московии.

В равной степени опасны и контакты с иноверцами. Костомаров писал, что «духовенство считало грехом лечиться у человека неправославной веры и в особенности вооружались против медиков-евреев, так что в XVI веке русский, за то, что прибегал к *пособию еврея, подвергался отлучению от церкви*»¹⁵.

Итак, перед нами исходное, органическое отторжение всякой учености и письменной культуры плюс не менее органичная фобия Запада. А что же наличествовало?

Прежде всего, тотальная алкоголизация. Как писал Н. Костомаров: «Русский народ издавна славился любовью к попойкам»¹⁶. Голландский купец заметил: «Водка — любимейший их напиток, который пьют все без различия, будь то мужчины или женщины, лица духовные или светские, знатные или купцы, мещане или крестьяне. Пьют ее и до, и после обеда, даже целый день кряду»¹⁷. Как писал Костомаров, «и в Москве, и в городах, и в деревнях — везде можно было видеть людей, лежащих без чувств в грязи или снегу»¹⁸. Можно приводить и другие свидетельства.

Семейные отношения были не менее колоритны. Как указывают авторы монографии «Десять веков российской ментальности», положение женщины-жены было гораздо хуже положения крепостного. Это касалось всех, в том числе знатных и зажиточных. Практически у каждого мужа на стене висела плеть для избияния жены, называемая «дурак». Подобное обращение не только не считалось предосудительным, но вменялось мужу в обязанность. «Домострой» только рекомендовал не бить жену кулаком по лицу, а также железным или деревянным орудием, чтобы не изувечить или не допустить выкидыша ребенка. Лучше всего бить жену плетью: это «и разумно, и больно, и страшно, и здорово»¹⁹. Так что известная нам поговорка «Бьет — значит любит» имеет серьезную и долгую историю.

Не менее показателен разговорный язык и стилистика общения. Простой народ Московской Руси в обыденной речи и — особенно — в конфликтных ситуациях употреблял самые крепкие выражения. Иностранный наблюдатель отмечал, что «русские... рассерженные чем бы то ни было... называют мать противника своего жидовкою, язычницею, нечистою, с... и непотребной женщиной. Своих врагов, рабов и детей они бесчестят названиями щенков и выблядков или же грозят им тем, что позорным

¹⁴ С. Маскевич. Упомянутое соч. С. 47.

¹⁵ Н. Костомаров. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях. СПб., 1860. С. 103.

¹⁶ Н. Костомаров. Очерки домашней жизни.... СПб., 1860. С. 129—133, 145—150.

¹⁷ Я. Рейтенфельд. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905. С. 134—137, 141—142.

¹⁸ Н. Костомаров. Очерки домашней жизни.... СПб., 1860. С. 136—138.

¹⁹ В. Жидков, К. Соколов. Десять веков... С. 199—200.

образом исковеркают им уши, глаза, все лицо и изнасилуют их мать»²⁰. Костомаров пишет о том, что «любое первое проявление ссоры состояло в неприличной брани», причем «позволяли ее себе духовные лица, даже монахи и притом в самой церкви»²¹.

Далее следует упомянуть устойчивую варварскую потребность хаотизации «чрез-чур» упорядоченного пространства. Сталкиваясь со средой иной цивилизации, москвит проникнулся потребностью разрушить, профанировать эту среду. «Поездки русских за границу производили жуткое впечатление на европейцев». Так, «первое петровское посольство оставило занимаемые помещения в таком ужасном виде, что иностранцы просто поражались, как это можно было испоганить комнаты и мебель в столь короткий срок»²².

Не будем перегружать внимание читателя цитатами. Это явление заслуживает комментария. История человечества оставила нам множество свидетельств того, как варвары, попавшие в пространство зрелой цивилизации, разрушают и многообразно профанируют это пространство. Слово «вандализм», описывающее дикое и бессмысленное разрушение, восходит к названию племени вандалов, прославившихся в эпоху заката Западной Римской империи разрушением или осквернением памятников культуры. Славяне, приходившие на Балканы, рубили виноградники и распинали местных крестьян²³. За этим бессмысленным в глазах человека зрелой цивилизации поведением стоит мощная потребность разрушить чуждую среду (через-чур упорядоченную, упорядоченную по другим законам), противостоящую «нашему» миру.

Молодым читателям этого текста можно рассказать, что лет сорок-пятьдесят назад в Москве подъезды домов, а также стены и заборы часто были исписаны ненормативными обозначениями половых органов, в подъездах и лифтах мочились и т. д. Мигранты первого поколения и их дети, попавшие из глубинки в столичную среду, нуждались в том, чтобы сделать ее «нашенской», понятной и привычной. Прошло время, люди вписались в мир мегаполиса, и потребность самовыражаться подобным образом исчерпала себя.

Стоит упомянуть еще одну вещь — обилие доносов и доносчиков. Об этом пишет, например, Костомаров: «Во всех классах и слоях общества было множество ябедников и доносчиков. Причем, правительство этому покровительствовало в тех случаях, когда дела касались его интересов»²⁴. Добавим к этому наблюдению историка опыт XX века. По оценкам специалистов, в годы террора счет доносов на «врагов народа» шел на миллионы. Поскольку эта информация травмирует наше моральное сознание, в нее стараются не вдумываться. Чаще всего мотивы объясняют желанием въехать в квартиру соседа или занять место начальника.

Между тем проблема гораздо глубже и интереснее. Дело в следующем: традиционное общество в принципе *отрицает автономного человека*. Каждый существует как часть некоторых целостностей: семьи, рода, соседской общины. Именно так понимает себя каждый человек, и ровно так же он оценивает родственника, соседа и вообще любого из «наших».

Одно из важных следствий такого миропонимания — полное отсутствие «прайвизи». Старшие постоянно наблюдают за всеми. Человек, живший в отечественной деревне, знает: каждый постоянно находится на виду у соседей. Что он делал, куда ходил, с кем встречался, что они делали, сколько раз — все это фиксируется, становится

²⁰ Я. Рейтенфельс. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому... М., 1905. С. 140–141.

²¹ Н. Костомаров. Очерк домашней жизни... С. 211–212.

²² В. Жидков, К. Соколов. Десять веков... С. 214.

²³ П. Буассонад. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М., 2010. С. 34.

²⁴ Н. Костомаров. Очерки домашней жизни... С. 119, 125–129.

предметом обсуждения и при первой возможности доносится до родни объекта наблюдения. Матери расскажут, с кем и куда ходила дочка, жене — с кем путался муж и т. д. В этом смысле каждый человек, увидевший что бы то ни было, обязан сообщить об этом старшим. Его функция сродни функциям синапса или ганглии — передачи сигнала между двумя клетками единого родового целого. А каждый человек, особенно молодой, существует под присмотром.

Народными массами власть понималась по аналогии с патриархальной иерархией. И если власть, как бы то ни было, побуждает подданных сообщить значимую информацию об их родственниках, сослуживцах, соседях — то наш человек делает это почти автоматически. Он, так же как и все вокруг, делал это всю свою жизнь. А тут этого требует сам государь-батюшка.

Здесь возможно следующее возражение: традиционная культура изолирует себя от власти и города, стремится жить «на особицу» и решать все проблемы своим порядком. Донос очевидным образом разрушает такую самоизоляцию. Отдадим себе отчет в том, что жанр доноса предполагает достаточное погружение в письменную культуру. Человек, читающий по слогам, доноса не напишет. Классический крестьянин доносов не писал. Доносы сочиняли паллиаты, люди, в той или иной мере включившиеся в культуру большого общества.

Последняя особенность, о которой нельзя не упомянуть, — впечатляющих размеров, *подлинно азиатская, коррупция*. Это проходит через всю историю нашей страны. Иногда возникает иллюзия, что коррупцию удалось если не победить, то существенно снизить. Но это иллюзия; коррупция приняла другие, менее вызывающие формы. Возможно, несколько снизилась в объемах. Проходит время, и она вновь расцветает.

Не будем слишком глубоко входить в объяснение данного явления. Зафиксируем саму коррупцию. Вот что пишут исследователи о чиновниках петровской эпохи: «Коррупция, взяточничество, воровство как страшная эпидемия поразила новосозданный социальный слой»²⁵. Вот что писал французский посланник Кампредон в конце царствования Петра: «...наклонность россиян к обману родится вместе с ними и развивается в них воспитанием и примером родителей. Их плодовитость в изобретении средств обманывать бесконечна; не успеют открыть одного, как они тотчас же выдумывают десять других. Это главный рычаг их деятельности. Можно сказать, что они любят обман больше жизни, ибо каждый день можно наблюдать, что пытки, претерпеваемые одними и конфискация воровством нажитого богатства у других, не в состоянии никого удержать от искушения воспользоваться самой ничтожной выгодой»²⁶.

Если же задаваться вопросом о факторах, обуславливающих это *универсальное* для российской реальности явление, краткий ответ таков: дело в стадиальной дистанции догосударственной ментальности, актуальной для большей части населения и зрелого государства, в котором действуют носители означенной ментальности. Вспомним старую русскую пословицу «У колодца напиться, да не облиться». Человек, лишенный морального сознания, *не может не воровать*. Культура запрещает ему воровать у своих, обмануть чужого — благое дело. Об этом развернуто пишут специалисты в экономической антропологии²⁷.

Народные массы, с одной стороны, исходили из того, что «Сухая ложка рот дерет» и «Не подмажешь — не поедешь», то есть видели подачки и подношения чиновникам как нормальный элемент взаимоотношений с властью. С другой стороны, всеобщее осуждение казнокрадов — привычная психотерапевтическая практика, которой предается маленький человек.

²⁵ В. Жидков, К. Соколов. С. 219.

²⁶ С. Князьков. Очерки по истории Петра Великого и его времени. М., 1909. С. 450—451.

²⁷ См. работы А. Сусоколова, В. Безгина, А. Белик и других авторов.

Иными словам, картина мира, которая выстраивается в головах подданных, следующая: мы — люди хорошие, верховная власть — священна и хочет народу блага. А вот чиновники и всяческие начальники, «крапивное семя», все портят, мешают, растаскивают. Мало их сажают и вешают. Однако, как показывала бесчисленная практика, обличитель ворующих бояр, попав в кресло чиновника, начинает ожесточенно грести под себя. Дело не в моральных особенностях государевых людей. Дело в общем уровне нравственного сознания общества.

Русский человек и частная собственность

Наконец, надо обсудить одну из коренных особенностей российского народного сознания — неприятие частной собственности. Дело в следующем: российское крестьянство (а это более 80 % населения страны к началу Первой мировой) не признавало собственности на землю (а это исторически первичная и основная форма частной собственности), требовало передачи всего земного фонда в распоряжение общин и рассчитывало на то, что в идеальном мире, который настанет однажды, собственности не будет. Об этом написаны серьезные исследования. К примеру — монография О. А. Сухой «Десять мифов крестьянского сознания», где на большом фактическом материале автор показывает категорическое отторжение частника подавляющим большинством крестьян. Исследуя крестьянские проекты земельной реформы 1917 года (наказы к депутатам Учредительного собрания), автор делает следующие выводы: «Важнейшие конструкты крестьянского образа земельной реформы — сохранение общинной формы землепользования в условиях уничтожения частной собственности на землю... Земля в понимании крестьянства не могла выступать товаром по определению... Требовалось введение уравнильно-трудовой нормы землепользования, что коррелирует с принципом эгалитаризма в крестьянском групповом сознании» (с. 291).

Итоговое суждение жестко категорично: «архаическое представление о „черном переделе“ в принципе исключало существование института частной собственности на землю» (с. 296) Причем «формой реализации народного права в данном случае выступала угроза самосуда» (с. 297).

Таким образом, валить отторжение собственности и остро враждебное отношение к «богатеям» на 73 года советской власти не приходится. Проблема глубже и сложнее поддается интерпретации. Дело в следующем: для современного человека эта конститутивная особенность крестьянского сознания (а часто этого человека отделяет от носителей традиционной культуры три-четыре поколения) экзистенциально непостижима. Казалось бы, собственность естественна, исходна и лежит в человеческой природе.

Дело в том, что средний человек, не антрополог, не историк культуры, воспринимает базовые характеристики врожденной (впитанной с молоком матери) культуры как универсальные. У «них» может отличаться одежда, обычаи, но главное у всех людей устроено так же, как и у нас. Во-первых, так было всегда, и, во-вторых, так устроены все люди на земле. Это — иллюзия. Многое, в том числе и отношение человека к собственности, задается стадией исторического развития и цивилизационной спецификой данного общества.

Палеолит не знал собственности. Группы людей реализовывали стратегию коллективной борьбы за выживание. Неолитическая революция создала семью. А это очень важно. «Наши женщины» превратились в «мою жену». А наши дети — в моих детей. Параллельно формировалось выделение моего участка земли, на котором наша семья выращивает урожай. А это уже собственность.

Описанные процессы происходили одновременно с дроблением исходного синкретиза. Доминирующая ментальность всегда структурно соответствует структуре социально-культурного целого. Человек, который мыслил и переживал себя и других как часть некоторого целого, начинает различать меня и другого, мое и чужое. Синкретиз дробится, и картина мира усложняется. Private property возникает вместе с *отдельным*, выделившимся из родового целого, автономным человеком и выступает его социально-экономической оболочкой. Есть автономная личность — есть частная собственность. Массовое принятие частной собственности фиксирует смерть исторически первичной синкретической целостности.

Отторжение частной собственности — критерий принадлежности к так называемому «досовременному» обществу. Частная собственность активно рождалась в *европейских городах*, в контексте торговли и социально гетерогенного общества. Вдали от города, в глубинке устойчиво существовало традиционное крестьянство, культура которого носила общинный характер. Специалисты в крестьяноведении фиксируют ориентацию этой культуры на натуральное хозяйство и гарантированное выживание. Здесь вычленение частной собственности подавлялось²⁸. Вообще говоря, частная собственность в чистом виде складывается, формируется и завоевывает общее признание в Европе, а именно — в Греции. Азиатские общества тяготели к сакральным правителям, которые рассматривались как владельцы всего сущего в пределах подведомственности. Здесь можно говорить о праве распоряжения тех или иных «владельцев», которое прекращалось по той или иной причине, ибо высшая и абсолютная власть над всею собственностью принадлежит верховному правителю.

Отметим один любопытный момент — отечественное традиционное сознание не различает собственника и человека, наделенного правом распоряжения некоторой собственностью. В советскую эпоху директора предприятия называли «хозяйин». Между тем, хозяином он не был. Директор — менеджер, который управляет определенным хозяйственным объектом согласно решению высших партийно-государственных инстанций и делает это до тех пор, пока его работа устраивает «начальство».

Процессы формирования частной собственности заслуживают внимания. Европейская цивилизация восходит в Древней Греции. Изначально земли в Греции принадлежали фратриям и долгое время обрабатывались совместно. Но постепенно они перешли в частную собственность. В начале VI века до н. э. афинский законодатель Солон дал государству новое устройство, и это подтолкнуло дальнейшее обособление собственности. Прежде, если человек умирал, не оставив наследника, его собственность возвращалась фратрии, теперь же он получил возможность завещать ее кому угодно²⁹.

Как было сказано выше, собственность рождается в контексте торговли, городской культуры и гетерогенного социально и культурно общества. Древняя Греция — торговая держава. Многолюдное население торгово-ремесленных полисов, недостаток зерна и сырья для ремесел, излишки вина и масла, а также ремесленных изделий создавали благоприятные условия для торговли. Изрезанность береговой линии, обилие островов по всему Средиземноморскому побережью создавали самые благоприятные условия для торговли. Уже в V—IV веках до н. э. растет интенсивность морских перевозок. Натуральный обмен вытесняют товарно-денежные отношения. С появлением денег (в начале VII века до н. э.) в Греции формируется полноценный рынок. Греки актив-

²⁸ См. например: Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. Сост. Т. Шанин. М., 1992.

²⁹ Подробнее см.: Т. Беттелл. Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 88.

но конкурируют с финикийцами, складывается кредит, возникают банковские конторы. В этом динамичном контексте формирование и легализация частной собственности закономерна.

Российская крестьянская культура отторгает товарно-денежные отношения. И это — базовая характеристика «досовременных обществ». Здесь распоряжение теми или иными вещами и ресурсами происходит в рамках альтернативной товарно-денежным отношениям системы социальных взаимодействий (по преимуществу распределительной, отношения дарообмена) и альтернативно осмысливается. В таких сообществах могут бытовать деньги, необходимые для коммуникации с властью, для закупок того немалого, что недоступно в рамках натурального хозяйства. Однако рынок и товарно-денежные отношения выступают факультативным элементом поздних досовременных обществ.

Традиционное российское общество — досовременное. Деньги — атрибут города, государства, господ и торговцев. Обратимся к работам антропологов, исследовавших культуру самого мощного слоя дореволюционного российского общества — традиционного крестьянства. «Деньги чужды фольклорному герою, они противостоят не только крестьянскому обиходу, но и всей сфере обыденной и нормативной повседневности. Фольклорные „места денег“: город, дорога (традиционное место грабежа и разбоя) или царский двор — это места, где фольклорному герою грозит столкновение с экстраординарными, а не нормативными ситуациями»³⁰.

Русский крестьянин *отказывал частной собственности в моральной санкции*. Утверждал, что собственность — реалья чуждого крестьянству мира: города, торговли, воплощающих торгово-денежные отношения инородцев, господ, государства. И всеми силами выдавливал деньги и собственность из сельского мира. Классовая ненависть крестьянина к кулаку — фронт отторжения чуждого мира, разрушающего вечный космос досовременного общества.

Народ и интеллигенция

Российское общество характеризуется высокой устойчивостью. С чем это связано — большая специальная тема. Это и нахождение на глубокой периферии Европы, и профессиональная дистанция с ведущими странами, и сравнительно позднее начало модернизации, и особенности российского православия.

Среди причин консервации исходных характеристик низовой культуры — интеллигентская мифология простого народа. Вот как характеризует позитивный идеал русской культуры Георгий Митрофанов: «Это народопоклонничество, которое отождествляло идеалы социального, а значит и духовного устройства общества с идеалом примитивно-архаичного мужицкого царства»³¹. Важно осознавать, что низовое, мужицкое сознание задавало параметры интеллигентского миропонимания. «Это очень интересная особенность — восприятие придуманного архаического и примитивного мужицкого царства как подлинно христианский общественный идеал, который в народе уже реализовался»³².

Почему так сложилось — специальная тема. Здесь надо говорить о позднем начале модернизационных преобразований; факт этого запаздывания задавал болезненные

³⁰ К. Боганов. Фольклорный аудит: наличность и персонал // Фетиш и табу: антропология денег в России. М., 2013. С. 276.

³¹ Протоиерей Георгий Митрофанов. «Мы только носим имя, что живы, а на самом деле уже мертвы...». М., Артос, 2018. С. 49.

³² Там же..

проблемы³³. О феномене радикальной русской интеллигенции (народовольцы, эсеры, большевики). Об интереснейшем феномене народопоклонства, о коммунистической эсхатологии и православных корнях этих процессов. В работах автора можно найти публикации на данную тему³⁴.

По моему убеждению, в истоках народопоклонничества лежит комплекс вины за разрушение синкретиза в собственном сознании. За принятие культуры большого общества, которая отторгает и разрушает райскую невинность крестьянской архаики, которая, конечно же, ближе в Богу.

Важно подчеркнуть, что мифология «простого народа» существовала вплоть до 70–80-х годов прошлого века. Советские шестидесятники — последнее поколение, отдавшее дань этой парадигме. Последующие поколения российских интеллектуалов полностью освободились от коммунистической эсхатологии и сохраняют холодное дистанцирование от наследников «простого народа».

Надо отметить, что классический российский крестьянин, составлявший ядро «простого народа», сходит с исторической арены в 70-е годы XX века. Ему наследует мигрант первого-второго поколения или человек, сформированный в позднесоветской колхозной среде.

Важно осознавать, что не только среднее, но и высшее образование не гарантирует смены ментальности. Образование выступает *предпосылкой* изменения ментального пространства человека³⁵. Базовые характеристики ментальности формируются рано. Сознание растущего человека извлекает эти элементы из окружающей среды (семья, наша улица или наш поселок, друзья, приятели). Причем сам процесс формирования ментальности не осознается. Складывание ментального пространства завершается к 18–19 годам³⁶.

Не только аттестат о среднем образовании, но и диплом высшего не гарантирует деструкции архаического сознания. Два десятка лет преподавания в высшей школе позволяют мне утверждать это.

Тем не менее жизнь и работа в городской среде нескольких поколений меняет ментальность. На месте сознания нетронутого архаика утверждается паллиативная структура, в которой отдельные положения, принадлежащие рациональной картине мира, и навыки (управление автомобилем, пользование электроприборами) уживаются с массой предрассудков и фантастических теорий. Самое же главное состоит в том, что эта категория людей напрочь лишена как потребности, так и способности постигать культуру большого общества. Все то, что не укладывается в сложившуюся целостность, отбрасывается или забывается. Дело в том, что системные характеристики сознания паллиата принадлежат миру архаического, и это сознание отторгает инородное.

На место слышанного где-то в школе или по телевизору достоверного знания приходят «очевидные» конструкции и фантастические сказания, которые понятнее и ближе и потому, принимаются сердцем. Вот оно, доподлинное, скрываемое злыми начальниками от народа. Так, ВЦИОМ несколько лет проводил опрос, в результате которого выяснилось, что 25 % россиян убеждены в том, что Солнце вращается вокруг Земли. Люди, полагающие, что наша планета находится в центре Вселенной, принад-

³³ Впрочем, первые этапы модернизационной трансформации любого запаздывающего общества всегда болезненны.

³⁴ Например, см.: И. Яковенко Мышление революцией. ОНС, 2017/3.

³⁵ Особенно наше, советское и постсоветское, в котором нерадивых и некомпетентных не исключают и не оставляют на второй год. Образование, в котором поколения учащихся мотивировались получением «ромбика» и, соответственно, переходом в социальную группу «начальства».

³⁶ Подробнее см.: И. Яковенко. О природе ментальности. Артикульт-29 (январь—март 2018).

лежат иной, предшествующей стадии исторического развития человечества. Наш долг осознавать эту реальность.

И это не все. Массы наших соотечественников объясняют окружающий их мир посредством конспирологических построений. Так, 45 % взрослых россиян верит в существование инопланетян. При этом 18 % считают, что власти скрывают пришельцев от землян. Далее, 57 % россиян не верят в высадку американских космонавтов на Луну в 1969 году. А 3 % опрошенных полагают, что Земля плоская³⁷.

Дело в следующем: научные данные разрушают архаическую картину мира. Однако архаическое сознание нуждается в изоморфной себе картине, которая обретается на путях конспирологических интерпретаций. Далее, на Земле должна существовать нечистая сила. Советская эпоха как бы отменила нечистую силу. Традиционное сознание быстро сформировало пласт заменителей — летающие тарелочки, рептилоиды, разнообразные пришельцы.

В Интернете вы можете найти публикации на тему «Рептилоиды среди нас», узнать, как распознать рептилоида. Прочсть о том, что таинственная древняя раса управляет человечеством на протяжении тысячелетий³⁸.

Все это не означает, что российское общество обречено на фантастическое невежество широких масс. В ряду поколений, вписанных в современную реальность, постепенно нарастает объем рационального знания, и на некотором этапе происходит качественный скачок. Меняется ментальность, трансформируется картина мира. Поколение, пережившее этот процесс, экзистенциально отчуждается от мира дедов и прадедов. И хотя, из интеллигентски-гуманистических позиций, об этом можно сожалеть, такова диалектика истории.

Условия такого скачка — маргинализация «вчерашних людей». Их социальное положение, уровень доходов, проблемы с трудоустройством должны задавать детям этих людей не свойственную нашей стране мощную мотивацию к образованию и потребность в постоянном самообразовании. Не ради получения «ромбика», а ради обретения подлинной профессиональной компетентности. Если общая культура и профессиональная компетентность станут решающим фактором социального роста, ситуация сдвинется с места.

Вернемся к ситуации, предшествовавшей вступлению России в процессы модернизационных изменений. Как понимал мир и во что верил предок наших современников? Об этом имеют некоторое представление профессиональные антропологи и историки культуры. Массовый человек, склонный представлять себе другие народы и другие эпохи по аналогии с окружающим его миром, осознать эту реальность просто не в состоянии. Вот несколько штрихов к портрету.

Чумной бунт в Москве 1771 года являет пример конфликта народа и власти. Власть исходила из рационально-европейского понимания происходящего и предлагала соответствующие технологии. Народ же базировался на традиционных представлениях. Поводом для восстания послужил инцидент с Боголюбской иконой Божьей Матери у Варварских ворот Кремля. В народе распространялось поверье в чудотворность иконы и в то, что она может исцелить от «моровой язвы». Толпы народа стали стекаться к Варварским воротам, служить молебны, приносить пожертвования. Московский архиепископ Амвросий, понимая, что подобное скопление народа способствует распространению заразы, запретил молебны, а икону повелел снять и перенести в церковь Кира и Иоанна. В сентябре толпа ворвалась в Донской монастырь, в котором укрылся архиепископ, и убила его. Бунт усмиряли войсками.

³⁷ vestifinance.ru/articles/104552.

³⁸ <https://nlo-mir.ru/teoria/53674-kak-raspoznat-reptiloida.html>.

От эпохи Екатерины II перейдем к эпохе Николая I — «холерный бунт» (Петербург 1831 года). Вот что писала свидетельница событий А. Я. Панаева: «...среди народа ходили нелепые слухи, будто его отравляют поляки, будто все доктора подкуплены ими, чтобы в больницах морить людей <...>, что никакой холеры нет, а на улицах хватают здоровых и их в больницах отравляют ядом и даже живых кладут в гроб». Накануне событий, «часов в шесть вечера вдруг по улице стал бежать народ, крича: „На Сенную!“ <...> рослый мужик с расстегнутым воротом рубашки, засученными рукавами подняв свои кулачищи, кричал на всю улицу: „Ребята! Всех докторов изобьем!“ „На Сенную! На Сенную!“»³⁹

Вот штрих, характеризующий отношение к иностранцам. В романе Мельникова-Печерского «На горах» (описываемые события происходят в середине XIX века на ежегодной Нижегородской ярмарке) один из героев, купец-старообрядец, обращаясь к своему собеседнику, говорит следующее: «Что этого гаду развелось ноне на ярманке! Бренчат, еретицы, воют себе по-собачьему... В какой трактир не зайди, ни в едином от этих шутовок покою нет».

А вот характеристика такого явления, как литературное произведение: «Роман — ударение ставили на первом слоге, чтобы отличать название богомерзкого писания от христианского имени Роман». Здесь стоит вспомнить о том, что любой иностранец — то есть «немец», в собственном смысле человеком не является. Он — немой.

Примеры можно множить и множить. Народная культура онтологически противостоит культуре рационального знания, демонизирует ее, боится и отторгает. И носители этой культуры, и предметы, рожденные в лоне богомерзкой европейской культуры, исходно подозрительны и опасны.

Есть смысл рассмотреть истоки данного отторжения.

Обратимся к такому важному явлению, как чернокнижники. «Говоря о чернокнижниках, наши поселяне уверяют, что они научились лихому делу у чертей и всю жизнь состоят в их зависимости. Заключая с духом условие на жизнь и душу, они получают от них Черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяниями»⁴⁰. Заметим, что эту работу написал известный этнограф и фольклорист, творивший в 30–50-е годы XIX века.

В книге масса интереснейшего материала. Мы узнаем из нее, что «черти засыпают моря и дразнят слонов, поддерживающих землю», что существовала технология обречения «неразменного рубля», включавшая стояние в полночь на перекрестке дорог с гусаком, которого у стоящего за серебряный рубль должна была купить нечистая сила, текст песни ведьм на Лысой горе и так далее. Но нас интересует Черная книга. Так вот, авторы XVI столетия к Черной книге «причисляли: Рафли, Шестокрыл, Вороноград, Остромий, Зодей, Альманах, Звездочетьи, Аристотелевы врата»⁴¹.

Что-то из этих работ известно исследователям. Так, Рафли — гадательная книга; Шестокрыл — руководство по астрономии; Вороноград — пособие для предсказателей по полету птиц; Зодей — астрологическое руководство. Все это — бесовские грамоты и прямая дорога в ад.

Обратимся к заключительному члену списка. Как и иные главы Черной книги, «Аристотелевы врата» вводят смертного непосредственно в Ад. Познание этих премудростей достается ценой гибели души и жизни вечной. Составители списка знали свое дело. «Аристотелевы врата» как еретический текст упоминаются уже в «Стоглаве». По мнению специалистов, текст этот представляет собой перевод поучений Александру Македонскому с арабского, сделанный в XI веке. Автор добавил к тексту главу «о кам-

³⁹ <https://www.rulit.me/books/vospominaniya-read-178056-14.html>.

⁴⁰ И. Сахаров. Русское народное чернокнижье. М.: Эврика, 1991.

⁴¹ Указ. соч. С. 21.

нях, и зельях, и животных». Интересен символический смысл включения трудов Аристотеля в корпус Черной книги. Аристотель символизирует целостность античного знания. Освоение наследия этого мыслителя веками составляло основу постижения высокой культуры.

Казалось бы, откуда безграмотному русскому мужику, живущему в мире устной коммуникации, знать про Аристотеля. Для этого были старшие товарищи, искушенные в премудростях Запада. Идеологические работники, готовившие решения Стоглавого собора (а это 1551 год), четко осознавали свою задачу: уберечь православный мир от душегубительного знакомства с базовыми текстами, лежащими в основании европейской цивилизации.

Вообще говоря, правочерный носитель традиционной культуры пребывал в убеждении, что иноземные книги, написанные на непонятных языках, — бесовские, содержат колдовские чары и направлены на пагубу православного народа.

Глава Посольского приказа боярин Артамон Матвеев, образованнейший человек своего времени и один из первых западников в русской истории (это была эпоха царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича), был обвинен в колдовстве. Царедворцы донесли на боярина Федору Алексеевичу, что он с доктором Стефаном читает Черную книгу и что Николай Спафарий обучает его и сына чернокнижию. Впоследствии открылось, что боярин Матвеев читал лечебник, принятый доносчиками за Черную книгу. Это — прекрасно. Если человек читает книгу на иностранном языке, то это, конечно же, Черная книга.

Знание иностранных языков — очевидное свидетельство вероотступничества и продажи души. Описывая свою эпоху, Г. С. Померанц упоминает, что знание языков в глазах «простого советского человека» — явное свидетельство шпиона. Такое понимание этого вопроса демонстрирует не только простой человек. В инструкции КГБ СССР, поясняющей, как распознать вражеского шпиона, первым пунктом идет *знание иностранного языка*⁴². Для людей молодых поясним, что в классическую советскую эпоху шпион — фигура inferнальная. Это заменитель беса в атеистическом сознании. Контакты с ним смертельны, а сам шпион стремится погубить наш народ и наше государство.

В этой инструкции есть один забавный пункт: «Выработанная привычка на производстве работать только хорошо (за границей плохая работа хозяину не нужна)», который говорит очень много и о природе социалистического общества, и о дистанции между двумя мирами.

И сами иностранцы, они же иноверцы, и их книги, и наши природные русские, воспринимаемые простонародьем как немцы, — все эти категории — источник опасностей и пагубы. Вспомним о том, как формировался образ врачей.

Исходно русского человека лечили знахари — «наши», привычные и надежные. Лечили травами, физическими процедурами, настоями и заговорами. Реформа медицинского дела в России начинается при Петре I. Если в XVIII веке европейская медицина касалась придворной среды и армии, то с XIX века медицина проникает в народные массы. Проникает очень медленно, но неотвратимо. В глазах носителя традиционного сознания всякий врач — немец. Немец вне зависимости от его национальной принадлежности. Он перешел на «их» сторону, стал немцем. Да он и ходит, и одевается, и говорит не по-нашему. Если бабка Марья своя, природная, то врач чужд, непонятен и исходно опасен.

Надо учесть, что всяческие инженеры, ученые, архитекторы с простым человеком не сталкивались. Жили себе басурмане, общались с господами и простого человека не

⁴² Инструкция КГБ СССР, как обнаружить вражеского шпиона. http://the-mostly.ru/misc/kak_raspoznat_vrazheskogo_shpiona_instruktsiya_kgb_ssr.html.

касались. Иное дело — врачи. Европейская медицина вводилась усилиями государства. Врачи и аптекари пришли в народную среду довольно поздно. От них и пошла вся пагуба. Художественная литература, записки современников, материалы историков культуры свидетельствуют: простонародье видело во врачах опасность. Еще в середине прошлого века люди, живущие в глубинке, вызывали врача, когда близкому становилось совсем плохо, исходя из того, что хуже уже не будет.

Идея о том, что врачи отравляют и губят простого человека, живет веками. В 1953 году случилось знаменитое дело «врачей-отравителей». Оно разворачивалось в контексте антисемитской волны (большая часть обвиняемых были евреи). Со смертью Сталина дело было прекращено. К апрелю врачей полностью реабилитировали и восстановили в должности. В журнале «Родина» приводится сообщение о в высшей степени характерной реакции массовой аудитории на эту реабилитацию⁴³. На одной из московских фабрик, с преимущественно женским составом работниц, лектор проводил так называемую «политинформацию», в которой рассказал о реабилитации врачей. На что послышались выкрики с мест: «Неправильно реабилитировали. Опять будут травить людей».

Мы не до конца отдаем себе отчет в том, насколько карательная политика сталинской эпохи учитывала настроения низовой аудитории и резонировала с этими настроениями. Прежде всего репрессии выбивали самых разнообразных «бывших», интеллигентов, носителей модернизированного сознания. Представителей того самого мира, который противопоставлен народной стихии. Тем самым мир приближался к идеалу крестьянского царства.

Сегодня столь радикальные суждения не звучат. Типичный дискурс носителей традиционного сознания сводится к тому, что лекарства — «это все химия». В данном случае слово «химия» означает нечто inferнальное. Лечиться надо природными средствами. Кроме того, все врачи находятся на содержании фармацевтических корпораций. Им платят за рецепты, которые они выписывают несчастным пациентам.

Как народ реагирует на козни инородцев? Вспомним один из эпизодов отечественной истории. В мае 1606 года, воспользовавшись недовольством Самозванцем, князь Василий Шуйский организовал переворот. Вместе со своими братьями и другими боярами, заговорщики ударили в набат, крикнув народу, что «паны режут бояр». Заговорщики кинулись в Кремль, а народ — по домам, в которых жили поляки. Два дня длились беспорядки, в ходе которых было вырезано 1700 поляков. Кто из восставших проверял, режут ли паны бояр? Паны должны и не могут не резать бояр. А ежели паны всех бояр (то есть начальников) перережут, как же мы жить будем?

Подведем итоги. Каковы причины описанного?

Начнем с базовых характеристик традиционной культуры. Всякая традиционная культура ориентирована на самосохранение. Эта интенция универсальна. Носитель конкретной культуры воспринимает любую другую внешнюю сущность как непостижимую и малоинтересную. Какие-то моменты или реалии чуждого мира могут представлять интерес, но в целом иное не рождает установки на постижение и позитивное принятие.

Более того, культура оберегает своих носителей от включения в чужой мир. Во многих культурах можно обнаружить пласт анекдотов (или поговорок) о соседних народах. Они могут быть не слишком злобными, однако сосед выступает как смешной персонаж. Далее существует демонизация и иррациональный страх перед добровольной сменой идентичности (женитьбы, переезда в другую страну). Цыган-мужчина может жениться на не цыганке. Но цыганская девушка должна выйти только за своего. В противном случае она выбывает из цыганского мира. В исламском мире ситуация еще

⁴³ Родина. 1993. № 8—9.

жестче. Девушку, вышедшую замуж за христианина, скорее всего, убьет старший брат или отец. Это называется «убийство за честь семьи».

Следующий уровень — факторы стадияльные, локально-цивилизационные, отторжение, заданное драматической историей взаимоотношений двух социально-культурных целостностей (к примеру, взаимоотношения армян и турок).

Каждая культура формирует присущую ей ментальность. Соответственно, включение в культуру, ментальность которой более или менее близка исходной, усвоенной с молоком матери, рождает меньше проблем, нежели освоение качественно отличающейся культуры. Здесь в игру вступают неподотчетные, но абсолютно императивные интенции.

Отторжение культуры Запада лежало и лежит в контексте самосохранения если не целостности традиционного мира, то хотя бы рефлексов, воспоминаний, ритуалов ушедшей эпохи.

Мозаика геополитических и исторических факторов, диктовавшая дистанцию России от европейского целого и противостояние этому целому, многослойна. Россия формировалась на территории глубокой периферии европейского континента. Само формирование российского целого задавалось исходным движением восточных славян не на запад, а на восток, прочь от освоенных цивилизацией территорий, на пустые, ничейные земли. Россия складывалась на территориях, по которым не ступала нога римского легионера. Далее, раскол церквей и тысячелетнее противостояние православия католическому миру, а также, специфика русского православия как варварской версии культуры, лишенной наследия античности и отторгавшей это наследие как языческое, что резко отличало Московию от Византии; наконец, надо упомянуть естественную самоорганизацию периферийной ранневарварской культуры, ограждающей себя от воздействия чуждой, зрелой цивилизации.

Здесь лежит самый глубокий и мощный уровень отторжения модернизированной культуры большого общества носителями традиционного сознания. Дело в том, что стадияльная дистанция — дистанция качественная. Снятие этой дистанции достигается ценой *разрушения* предшествующей ментальности и *личностного отчуждения* человека от целого мира врожденной культуры.

Эти культуры различаются базовыми интенциями, структурой сознания и подсознания, жизненными сценариями и так далее, и так далее. Синкретизм, ритуально-магический космос, пребывание в плавающем состоянии сознания, специфический «довербальный» тип коммуникации, когда текстовая компонента минимизирована и смысл сообщения извлекается через вживание, эмоциональное уподобление. Тотемистическое сознание, предполагающее единение всех «наших» в тотеме. Эти характеристики неотделимы от традиционно-архаического комплекса. Массовый человек — наш современник — не отдает себе отчет в том, что наше — рациональное сознание, которое мы склонны понимать как универсальное и естественное, не имеет почти ничего общего с описанным.

Развернем всего одну характеристику: пребывание в измененном (плавающем) состоянии сознания. Это состояние переживается как ценность; люди стремятся сохранить и по возможности, расширить пространство измененного сознания. Современный человек может обрести измененное состояние сознания в ходе медитативных практик, а также через потребление наркотических веществ.

Важно, что измененное состояние сознания противостоит субъект-объектному разделению мира, опоре на рациональное мышление, осмыслению и вербализации чувств, ощущений, проблем и путей их разрешения. Человек, тяготеющий к описанному комплексу, живет, действует, принимает решения, но это происходит за рамками осознания. Проблема четко не формулируется, а решения ее приходят как инсайтные озарения.

Когда славянофилы говорили, что «пашущий землю крестьянин молится Богу», они имели в виду именно это. Человек работает, повинаясь мышечной памяти, без активизации сознания, вне рационализаций и размышлений. Освобождая свое сознание от всего лишнего, он и тем самым воспаряет к Создателю.

Ранние монахи, жившие в Иудейской пустыне, говорили, что пустыня ближе всего к раю и, в сущности, она и есть рай. Между тем на простых людей эта пустыня наводила ужас. Ответ, по-видимому, в том, что простым человеком рай понимается как пространство комфорта и изобилия. А монах постоянно подвизался в медитативных практиках. Вспомним Григория Паламу, традицию исихазма, Иисусову молитву. Для монаха рай — очищение души и единение с Богом.

Природа медитативных практик понятна и доступна далеко не каждому. Однако цель, к которой стремится медитация, достижима и в обычной жизни. В обыденном языке встречается выражение «ушел в астрал». В самом общем смысле это означает утратить контакт с реальностью и погрузиться в иное измерение бытия. У Ф. М. Достоевского есть высказывание: человек задумался. Но если спросить его, о чем он задумался, человек не сможет ответить. «Однако в душе запечатлелось». Иногда мы можем наблюдать подобное состояние у маленьких детей и стариков.

Подобные состояния можно переживать как ценность, и надо стремиться к ним. Можно строить свою жизнь, исходя из стремления максимально оберегать и сохранять подобный строй переживания бытия. В этом, на наш взгляд, состоит ядро традиционного сознания.

Именно эта стратегия бытия является исторически первичной. К ней тяготеет традиционно-архаическое сознание. Включаясь в современный мир, оно отходит от своего идеала, но вождедает его и при первой возможности погружается в него, отрубаясь от опостылевшего мира через выпивку и наркотики.

Традиционный человек организует свой быт и свою жизнь таким образом, чтобы пребывать в привычных, рефлекторно освоенных занятиях и ситуациях, отталкиваясь от всего мудреного, заумного, требующего выхода из дорационального традиционного космоса и погружения в мир модерна. Все проблемы решаются инсайтно, вне осознания, вербализации и работы рационального сознания.

Наконец, традиционная культура различается с культурой большого общества базовой интенцией. Она ориентирована на неизменность, борьбу за сохранение максимального уровня синкрезиса и в качестве идеала видит возвращение в мифологически трактуемое начало времен, когда все было связано со всем, ничего не вычленилось и отличия одного от другого были минимальны. Надо сказать, что высокий статус синкрезиса напрямую связан с описанным типом сознания. Поскольку чем менее раздроблен, то есть осознан и эксплицирован в вербальных конструкциях окружающий мир, тем естественнее живет и работает исходное сознание.

Такой человек по возможности живет и действует по наитию, без размышлений, подчиняясь биологическим и культурным программам. Соответственно, ритуально-магический космос создает сетку ориентиров и программ действий в мире.

Все это отторгало народ от зрелой культуры, демонизировало ее, создавало непреодолимые гносеологические и экзистенциальные барьеры, блокирующие движение к постижению альтернативы.

Заметим, что разрушившие Западную Римскую империю варвары вели себя ровно так же. Перемены начинаются с эпохи Карла Великого (768—814). Причем новые веяния локализуются в придворной элите. Однако германские племена жили на развалинах Рима, в предметной и социальной среде, заданной культурой античности; а русские — на глухой окраине, за рамками этих воздействий.

Ко всему прочему, Московия не сталкивалась со странами европейского мира. Если такие столкновения завершаются поражением, они выступают факторами, задающими отказ от изоляции и освоение культуры противника. До середины XVI века Московия сталкивалась лишь с Речью Посполитой и Великим княжеством Литовским. Это были рыхлые ранние государства, конфликты с которыми формировали превратное представление о Западе.

Первое реальное столкновение Московии с Западом — Ливонская война (1558—1583), завершившаяся поражением. Из этого опыта российской элитой были извлечены соответствующие выводы. Борис Годунов (1585—1598) был первым западником на российском престоле. В Москву ехали западные специалисты, царь посылал за рубеж учиться боярских детей. Следующая итерация продвижения в направлении Запада связана с персоной Петра I (1682—1725). Она была достаточно кардинальной. Стратегия модернизации, заданная императором Петром, породила раскол общества и за 100—150 лет сформировала ту реальность двух народов и двух культур, которая массовым сознанием воспринимается как привычная, а значит — вечная.

Заметим, что между Карлом Великим и Петром I пролегает дистанция в девять веков. Причем в Европе целостность низовой языческой культуры утрачивает актуальность и начинает изживаться только в эпоху святой инквизиции, а это XV—XVII века.

Надо сказать, что история инквизиции, как правило, излагается с моральной позиции и предстает как ужасное явление позднего средневековья. Этический пафос снимает вопрос об *обусловленности и телеологии* инквизиции. В чем состоял общекультурный смысл изживания «слуг Дьявола»? Почему это началось в XV веке и разворачивалось на переходе к Новому времени? Почему в предшествующие века церковь и государство мирились с существованием «слуг Дьявола» рядом с правверными христианами? Это — тема большого разговора.

Сильно упрощая, феномен инквизиции можно объяснить следующим образом: Церковь энергично уничтожала язычество в поздней Римской империи в союзе с мощным государством (см.: Власис Рассаис. «Сокрушите их...». Афины, 2000). Вслед за крахом Западной Римской империи наступает эпоха рыхлых варварских государств, основной массив которых составляли язычники. Резкое падение культуры, схлопывание множества грамотных, деградация городов. На данном этапе церкви было важно самосохраниться и обеспечить союз с властью. Безграмотное, варваризованное население соотносилось с малограмотной массой священнослужителей. Монастыри и церковная иерархия были озабочены сохранением остатков учености. На фоне этих процессов пережитки язычества не фиксировались как нечто значимое.

К XV веку европейские государства окрепли: подъем городов, рост экономики, успехи в образовании правящих сословий. В этой ситуации идеологическое и культурное расслоение подданных начинает восприниматься как нетерпимое. Активные носители политеистского сознания квалифицируются как слуги дьявола и подлежат искоренению. Века инквизиции маргинализуют культуру и сознание, альтернативные католической доктрине. А далее следуют Реформация и Контрреформация, Просвещение, всеобщее образование — все это окончательно подрывает воспроизводство традиционно архаического комплекса.

Стоит сказать несколько слов о закономерностях процессов христианизации народов и народностей. История человечества показывает, что крещение — лишь начальный этап длительного процесса включения общества в христианскую культуру. Процесс этот разворачивается в чреде поколений. На ранних этапах новые христиане не знакомы с доктриной, чужды христианской культуре, пронизаны рефlekсами, стереотипами и традициями предшествовавшей культуры. Сознание людей изменяется страшно мед-

ленно, это требует постоянных усилий церкви и государства. Христианство должно опривычиться, стать тем, что переживается как исконное и неотъемлемое достояние народа.

Христианство первых исторических этапов представляет собой синкретический ансамбль домонотеистических, языческих моментов (практик, представлений, верований) и собственно христианских. В российской научной терминологии это явление характеризуют как «двоеверие». В ходе исторической эволюции двоеверие постепенно изживается. Языческая компонента тощает, размывается; монотеистическая — нарастает и со временем превращается в доминирующую. Однако для этого необходимы время и систематическая работа государства. Причем судьбы процессов христианизации в регионах католического мира и в России различаются разительно. Если на Западе двоеверие изжито и маргинализировано, то на отечественных просторах двоеверие пронизывает собой русскую православную традицию. Народное православие (народная религия, народные верования), христиано-языческий синкретизм осознается как принадлежность к собственно христианству в самой возвышенной версии этой религии.

Природа объекта нашего исследования

Есть смысл ответить на вопрос о природе традиционного российского целого. Что это, к какому множеству может быть отнесено и в каких категориях описано?

Чем была Россия до промышленной революции? Прирученные к марксистской понятийной сетке (вспомним пресловутую «пятичленную формулу»: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и, наконец, коммунистическая формации), мы называем это феодализмом. Никакой это не феодализм. Феодализм родился в Европе и предполагал взаимные обязательства феодала и крестьянина, особую роль городов и многое другое. Это — традиционная азиатская деспотия допромышленной эпохи.

Между Петром I и 1917 годом данная целостность переживает мучительную адаптацию к промышленному развитию. А с 1917-го по 1937 год сложилась традиционная азиатская деспотия промышленной эпохи. Как показала история, эта форма деспотии наделена рядом органических пороков. Она принципиально *не способна к саморазвитию*. Малоэффективна, характеризуется высоким уровнем хаотизации социокультурного целого и перерасходом всех ресурсов, в том числе, что очень значимо, человеческих ресурсов. Вопреки претензиям и властным иллюзиям, такая страна не может устойчиво претендовать на принадлежность к клубу мировых лидеров.

С 1991 года описываемая нами целостность переживает трансформацию к новой реальности глобализирующегося информационного общества. Наше убеждение состоит в том, что эта сущность не может быть вписана в современную реальность. Верно ли это убеждение — покажет история.

Для того, чтобы приблизиться к ответу на поставленные вопросы, стоит обратиться к выступлению Вадима Межуева 22 ноября 2017 года на круглом столе, посвященном обсуждению русской революции. Межуев — крупный философ культуры, один из ярких представителей поколения шестидесятников XX века, которого я хорошо знал. Вадим не так давно ушел из жизни.

Мое отношение к российской интеллигенции и ее последнему поколению — шестидесятникам — сложное. Признавая безусловные достоинства, я отторгаю антибуржуазность, установку «хороший Ленин — плохой Сталин», идею социализма с человеческим лицом, народопоклонство, непостижимый для меня комплекс вины перед народом и т. д. Во всем этом мы расходимся. Тем интереснее данное выступление Межуева, которое свидетельствует о большой внутренней работе и пересмотре многих значимых для российского интеллигента позиций.

Итак, слушаем Вадима Межуева: «После 1991 года революция, Ленин, Маркс отброшены, а сталинизм живет в головах. Осмысливая это, начинаешь понимать, что ни февраль, ни октябрь не были в природе русского человека, а то, что построил Сталин, отвечало этой природе. Что же такое революция — это архаическая форма решения политической проблемы».

Здесь наши позиции совпадают: большевизм — одна из хилиастических доктрин, возникающих на рубежах средневековья и Нового времени, которую подхватывают традиционалистские массы. Глубинный побудительный мотив этих движений — категорическое неприятие Нового времени и устремленность к исходной точке истории человечества⁴⁴.

Вернемся к выступлению: «Какой же строй мы построили? Его нельзя отождествлять с фашизмом, там не отменили частную собственность. Россия названа военно-феодальным строем. В России никогда не было феодализма. По своему основному крестьянскому населению Россия принадлежала к азиатским странам. *В России Азия победила Европу*. Азия — доэкономическое состояние. Неолит. Неолитическая революция съела все признаки, идущие от Европы. Короче говоря, мы покончили с петербургской Россией. И сейчас мы продолжаем уничтожать петербургскую Русь со всеми ее попытками европеизации, интеллигенцией и прочее. Мы никак не можем справиться с той Азией, которая сидит внутри нас. Причем *азиатчина сидит не во власти, она сидит в народе*. Наш народ общинно-крестьянский, и революция была не пролетарская, не социалистическая. Она была крестьянской. У нас не было городской революции. Когда крестьяне пришли в город, горожанин не стал ни буржуа, ни гражданином. Он остался наемным работником государства. Как римский плебс: „Хлеба и зрелищ“. Поэтому *вся революция пошла по пути восстановления азиатского начала*. И оно победило все то европейское, что было нажито за период существования Российской империи»⁴⁵.

В ситуации эсхатологической истерии, рожденной разрушением традиционного крестьянского космоса, идеологически санкционированная деспотия, сакральная власть и великая, победоносная империя отвечают базовым характеристикам ментальности как последнего поколения традиционного крестьянства, так и ментальности паллиатов, рожденных в ходе разрушения традиционного мира и модернизационной трансформации российского общества. Эта истина, напроочь разрушающая интеллигентскую мифологию, мучила Межуева. Тот итог, к которому он пришел, свидетельствует об интеллектуальном мужестве этого человека.

Остроактуальная теоретическая проблема состоит в том, что, выходя из догосударственной архаики, население России не формирует большого общества. В этом обществе не складывается зрелого морального сознания. Эпических размеров коррупция, сопровождающая всю историю нашего государства, расцветающая при первой возможности и сжимающаяся до сравнительно скромных величин, — самый надежный критерий нравственного уровня общества. Россия демонстрирует устойчивую неспособность переместиться из Азии в Европу. В этой констатации — боль и пафос выступления Вадима Межуева.

Типологически близкие феномены

Мы последовательно сопоставляем Россию с другими европейскими обществами. А можно ли поставить Россию в ряд типологически близких феноменов? В современной реальности — это арабский и, в более широком смысле, исламский мир. Вот что

⁴⁴ И. Яковенко. Мышление революцией / И. Яковенко. Пристально вглядываясь. Кривое зеркало русской реальности. М., 2018. С. 130.

⁴⁵ Вадим Межуев 10 — You-Tube.

об этой части планеты пишет экономист Том Бетелл, автор фундаментального труда «Собственность и процветание»: «Нормой повсюду является полицейское государство, и прав в западном понимании просто не существует»⁴⁶. И именно поэтому в таком мире не существует священной частной собственности: «Абсолютное уважение к частной собственности создает зоны независимости, откуда может прозвучать вызов властям»⁴⁷. В результате, как пишет Дэвид Прайс-Джонс, «нигде в арабском мире закон не дает гарантированной защиты личности и собственности»⁴⁸. Богатство этих народов рассматривается как законная добыча того, кто захватил власть. Поэтому, как указывает Бетелл, «главная забота правителей — постоянная опасность тайных заговоров». Бетелл пишет об арабах, но описываемый им мир далеко не исчерпывается арабскими странами.

Это положение убедительно иллюстрирует история Персидской империи. Вспомним о халифе Муса ал-Хади (785—786). После смерти халифа Аль-Махди, скончавшегося при невыясненных обстоятельствах, его сын принц Муса прибыл в Багдад и обнаружил, что власть в столице взяла в свои руки его мать Хайзуран. Она продолжала в том же духе и в правлении своего сына. Халиф ал-Хади попытался ограничить влияние Хайзуран. Ей было строго запрещено покидать гарем и встречаться с военными и чиновниками. Но, как замечает историк Геннадий Потапов, «он плохо знал свою матушку». В сентябре 786 года Мусу ал-Хади во сне задушили подушками невольницы, подосланные Хайзуран. Трон перешел к Харуну ар-Рашиду, как решила Хайзуран. И до ее смерти в 790 году, все вопросы решала мать халифа⁴⁹.

Вообще же история Персии полна примечательных и запоминающихся эпизодов. В 1175 году султан Арслан Муиз ад-дин «поел отравленного щербета и умер»⁵⁰. В 1191 году жена султана Кызыл Арслана, Инандж-хатун, организовала заговор. В ноябре «после очередной попойки Кызыл Арслан был убит в собственной спальне»⁵¹. В 1221 году в битве на реке Инд армия последнего хорезмшаха Джелал ад-дина Хасана потерпела поражение от войск Чингисхана. «Когда это стало очевидно Джелал ад-дин приказал утопить в реке свой гарем, а сам на коне прыгнул в воду и переплыл на другой берег»⁵². В 1381 году в истории Персии начинается эпоха Тимура. Тимур был большой затейник. В 1383 году сарбадары восстали против Тимура. Он подавил восстание. «Далее 2000 пленных были заживо замурованы в возведенных по приказу Тимура башнях. Связанных людей сваливали штабелями и перекладывали кирпичами и глиной»⁵³. Вообще, Тимур любил возводить пирамиды из черепов поверженных врагов. Так, после взятия в 1401 году Багдада штурмом Тимур приказал разрушить все здания, а всех жителей города истребить. Из 90 000 голов было сооружено 120 пирамид⁵⁴. Заметим, что традиция возводить пирамиды из отрубленных голов противников закрепилась. Мы встречаем эти артефакты и в XVIII веке.

Подобные примеры можно было бы множить. Но полагаем, и так ясно, что в исследуемой нами культуре человеческая жизнь ничего не стоит. А носитель власти, то есть тот, у кого в данный момент в руках оружие, может делать абсолютно все. Став властителем, он не подлежит какому-либо закону. В тот момент, когда ты становишься вла-

⁴⁶ Т. Бетелл. *Собственность и процветание*. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 305.

⁴⁷ Там же. С. 307.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Г. Потапов. *Персидская империя. Иран с древнейших времен до наших дней*. М., 2019. С. 119.

⁵⁰ Там же. С. 143.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 149.

⁵³ Там же. С. 168.

⁵⁴ Там же. С. 170.

стителем, все твои преступления аннулируются, становятся ничтожными. Здесь содержится мощнейший соблазн переворотов.

В обществах Востока мы находим сакральную, а потому безусловно деспотическую власть. Восточный человек тяготеет к империи, и это понятно. Носителями традиционного сознания империя воспринимается как отдельный, самостоятельный космос. За ее пределами что-то существует. То ли варварский хаос, то ли территории, которые мы пока не присоединили к своим пределам, то ли наши онтологические противники. Чем больше империя, тем мощнее переживание сакрального статуса традиционной власти. Империя удостоверяет подлинно сакральный характер высшей власти. Заметим, для имперского сознания важно центрироваться и подчеркивать победоносный характер «нашего» государства. У него не бывает поражений. Мы побеждали самых страшных противников. А если что-то когда-то было не так, так это давно и неправда.

Понятно, что подобная архитектура социально-культурного организма предполагает абсолютную ценность целого во всех его экспликатах (сакральная власть, государство, церковь/партия) и заведомо служебный характер отдельного человека или некоторой группы. Нормативный сценарий — отдать свою жизнь за родину/партию/государство. В такой диспозиции существование отдельного, автономизировавшегося человека на первый взгляд невозможно, а при более пристальном рассмотрении представляет собой вызов сакральному порядку вещей. Да кто он такой? Откуда он взялся? Это заведомо «не наш человек».

Этот автономизировавшийся субъект представляет собой иную онтологию, другой образ человека. Он по-своему понимает и переживает мир. По-другому трактует жизненные цели и интересы. Лишен (и это вызывает особое возмущение) естественного конформизма. Не смотрит на соседей, на людей. Общается с такими же чуждыми нашему человеку субъектами и так далее. Помните советские заклинания: не отрывайся от коллектива; будь ближе к массам.

Самоорганизация традиционного целого всеми доступными ей средствами блокирует процессы автономизации. Профанирует и демонизирует данный человеческий тип. Блокирует условия его воспроизводства. Однако широкий информационный и социокультурный контекст способствует формированию автономизировавшихся субъектов. А рыночная экономика рождает их с необходимостью.

Понятно, что исламский мир глух к классическому либерализму. Бернард Льюис отмечает, что «в исламских странах свобода как политическая идея (в противоположность идеалу сословного общества) появляется только в конце XVIII века, и то лишь под явным влиянием европейцев»⁵⁵. Ученые не знали, как перевести слово «свобода» на арабский. Отметим сразу же, что в России понятие «свободы» в общеевропейском смысле появляется никак не раньше.

Исламские интеллектуалы склоняются к замене концепции прав, на концепцию долга. Так Абдул Ала Маудуди склоняется к замене концепции права на концепцию долга. В работе «Исламское право и конституция» он объявил «обязанностью граждан исламского государства искренне сотрудничать с государством, не останавливаясь перед тем, чтобы пожертвовать ради этого своей жизнью и собственностью»⁵⁶. Вопрос к читателю: вам это ничего не напоминает?

Укажем на еще одну характерную особенность исламской культуры. Британский ученый Норман Андерсон предостерегает читателя о том, что существует зияющая пропасть между законом, который учат и толкуют юристы, и тем, как этот закон применяется — или не применяется — в реальной жизни⁵⁷. К примеру, «исламское право без-

⁵⁵ B. Lewis. Islam in Hisnry. New York: Library Press, 1973. P. 267.

⁵⁶ Т. Бетелл. Собственность и процветание. М., 2008. С. 310.

⁵⁷ N. Anderson. Lows Reform in the Muslim World. London. Athlon Press. 1976. P. 161.

оговорочно признает святость частной собственности... однако, даже богатый человек никогда не мог защитить свою собственность от конфискации или секвестра»⁵⁸.

Здесь необходимо сформулировать некоторое общее суждение: в любой стране мира существует определенная дистанция между декларируемой нормативной моделью и реальными механизмами социальной регуляции. Эта дистанция колеблется от очень скромной и незначительной до громадной и чудовищной. В России такая дистанция огромна. Причем мы говорим не о характеристике постсоветской эпохи. Так было всегда. Здесь мы имеем дело с родовым признаком российской цивилизации.

Сакральная власть существует над законом. Законы принимаются и декларируются по различным соображениям. Что же касается, так сказать, «правоприменительной практики», то она к праву в собственном смысле отношения не имеет. Решения принимаются властителями разных уровней (это зависит от масштаба происшествия). В рассмотрение принимаются самые разные соображения: личность находящегося под судом, его связи, размеры подношений, скандальность происшествия и мера его огласки и т. д. В этой ситуации суд выступает социальным механизмом, оформляющим требуемое решение в формах легитимной судебной практики.

Данное явление известно и осмыслено вменяемыми людьми. О нем говорят, но как о досадной частности. В виду имеется, что однажды в прекрасной России будущего оно, конечно же, исчезнет. В дореволюционной публицистике встречалось понятие «бухарская юстиция». В начале 2000-х годов возникло понятие «басманное правосудие». Википедия характеризует эту форму юстиции как «отличающуюся низкой степенью независимости судебных органов в принятии решений».

Одна из особенностей традиционных исламских обществ — полная незащищенность человека, его имущества, собственности, бизнеса. Профессор Нассау Уильям Сениор, побывавший в середине XIX века в Каире и Константинополе, фиксирует, что здесь нет среднего класса, общественного мнения, а во всех отношениях с властями участвуют взятки⁵⁹. Британский генеральный консул в Турции написал в 1876 году, что «турки смеются над европейцами, которые говорят о своих „правах“, потому, что в их понимании любой, кто не использует свою силу к выгоде для себя, тот просто глупец»⁶⁰.

Вспомним ситуацию 90—2000-х годов. Вначале бизнес, возникающий в нашей стране, «крышевали», а случалось, и отнимали братки. Затем, когда организованную преступность отодвинули в сторону, функции крышевания и отнимания бизнеса перешли к разнообразным силовикам. Иными словами, как только на постсоветском пространстве сложилось частное предпринимательство, здесь сформировались полноценные механизмы внеправового регулирования отношений собственности.

Итоговое суждение следующее: мы имеем дело с традиционным азиатским обществом, не пережившим модернизационную трансформацию.

Сегодня российская культура исчерпала возможности дистанцирования и самоизоляции. Глобализация властно требует включения общества в общемировой контекст. Человеческие контакты, изучение английского, работа за рубежом, трансляция в Россию западных технологий и многое другое создают предпосылки изживания того типа сознания, которому была посвящена настоящая статья.

⁵⁸ Т. Бетелл. Собственность и процветание. С. 311.

⁵⁹ Там же. С. 316.

⁶⁰ Там же. С. 319.